НАТАЛЬЯ КОДРЯНСКАЯ

Рисунки

Юрия Анненкова

ПАРИЖ

ТОГО ЖЕ АВТОРА

СКАЗКИ

Иллюстрации Н. Гончаровой

Париж 1950

ГЛОБУСНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК

Иллюстрации Ф. Рожанковского

Париж 1954

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

Рисунки А. Ремизова

Париж 1959

Ю. А.

НАТАЛЬЯ КОДРЯНСКАЯ

ЗОЛОТОЙ ДАР

ПАРИЖ

ХОР ТРАВЯНИЦ

Только что появился на свет солнечный мальчик. От солнца он получил дар все сжигать! Дар — слепая сила. Направленная к доброй цели сделает много добра, обернувшись к злому натворит бед.

I

В этот день солнце нестерпимо пекло и сжигало все, что попадалось на его пути. Цветущий луг становился желтым, великаны сосны, не выдержав палящих лучей, осыпали спаленную хвою. Со скалы вынуждены были спуститься горные козы, до того солнце им напекло рога! В реке рыбы ушли на самое дно, боялись, солнце чего доброго их изжарит. А когда наконец солнце зашло, все вздохнули.

Вдруг к немалому удивленью муравья и случайных прохожих жучьей породы из-под пышущей жаром кочки вышел

крохотный мальчик. У него были золотые волосы — он весь светился и казался золотым.

— Солнечный мальчик! — вскричали красные в черную крапинку жучки, бросив подобранную соломинку. И всем, кто был на дороге, захотелось его потрогать, поцеловать, потормошить, — такой он был чудесный.

Незаметно надвинулись сумерки, сразу потемнело. Прохожие, которые были только что на дороге, исчезли. Солнечному мальчику стало не по себе.

Беспомощно озираясь, он искал куда бы ему деться. Увидя песчаный холмик, он поспешил к нему и не успел взобраться на верхушку, как провалился и очутился в доме крота. Поглядев на золотого мальчика, негостеприимный хозяин норы хотел было его выгнать, но подумал, а не будет ли ему какой-нибудь выгоды от этого мальчика. Скрывая свое недовольство, он чуть-чуть подвинулся и дал ему место рядом с собой на своей прутиковой постели.

Сам того не зная, солнечный мальчик прожег кроту одеяло. Крот обозлился и не дожидаясь утра, с бранью выгнал непрошеного гостя. Не зная, где укрыться, солнечный мальчик стал просить приюта у полевой мыши. Но у нее было тесно, и солнечный мальчик мог еще обжечь ее мышат, как он подпалил шубу кроту. И она захлопнула перед самым его носом дверку.

Солнечный мальчик вышел на большую дорогу и задумал было влезть обратно под еще теплую кочку, но не смог. Пока он бродил в поисках ночлега, он вырос и ему теперь можно было дать лет семь. На краю дороги стоял платан. Он влез на него и спрятался в густой листве. Вскоре под дерево пришли люди и из их разговора солнечный мальчик узнал, что это были разбойники. А идут они в замок, похитить принцессу. Замок с высокими башнями был хорошо виден с дерева. Не теряя времени, солнечный мальчик решил пойти в замок и предупредить о разбойниках. Но в спешке, слезая с дерева, нечаянно обломил одну ветку.

— Тут кто-то прячется! — вскрикнул один из разбойников, и подняв голову, увидел солнечного мальчика.

— Глянь-ка! — пораженный сказал он товарищу, — золотой мальчик! Если мы его предложим владельцу замка, то он верно отвалит нам немало денег, тогда и принцессу не надо похищать!

Не успел солнечный мальчик опомниться, как разбойники стащили его с дерева и сунули в мешок. Это был крепкий, прокопченный временем мешок. Старший разбойник взвалил его на плечи и вместе с приятелем поспешил в замок.

Рассветало, когда они добрались до замка. Из мешка валил густой дым, словно из трубы в пекарне. Боясь, как бы их пленник не задохся, разбойники то и дело останавливались, чтоб развязать мешок и поглядеть, жив ли золотой мальчик. Им было в диво, как это кусок золота, еще не обращенный в монеты, может причинять столько хлопот.

— Есть у нас редкостный товар, — сказали они кастеляну замка. — Веди нас прямо к твоему господину, не пожалеешь!

Развязав мешок, старший разбойник вытащил солнечного мальчика как щенка за шиворот. Но при свете дня это был самый обыкновенный мальчик!

— А что он умеет делать? — с недоумением спросил разбойников кастелян.

— Что ты умеешь делать? — со злостью крикнул разбойник, досадуя как обидно над ними подшутила ночь. Обыкновенного мальчика они приняли за золотого. И он пребольно дернул его за руку, но тут же отскочил.

— Да он жжется, этот подлый мальчишка! — завопил разбойник и только поднял дубинку, чтобы проучить солнечного мальчика, как кастелян его остановил.

— Я его покупаю, — сказал кастелян, и бросив разбойникам тощий кошель с деньгами, увел солнечного мальчика с собой.

— Признайся, что ты сделал своему хозяину? — удивленный рассказом кастеляна, спросил король.

— Ничего я не сделал, — сказал, улыбаясь, мальчик. Но никто ему не поверил. И король велел своему придворному карле неусыпно за ним следить.

В этот вечер для маленькой принцессы — своей дочери — король устроил бал. Играя с принцессой и ее маленькими

гостями в жмурки, солнечный мальчик нечаянно прожег им платье. В разгаре игры, смеха и музыки никто этого не заметил. И только когда он подпалил локон у уксусной гувернантки принцессы, началась кутерьма. Тут с ужасом увидели : у кого прожжен кружевной рукав, у кого шелковый пояс, а то и куртка. Больше всех пострадал наряд маленькой принцессы. Ее особенно полюбил солнечный мальчик. Серебряное платье принцессы было похоже теперь на решето.

Солнечный мальчик не умел плакать, а то бы от стыда и горя наверно заплакал. Сжав кулаки, он побежал к окну, готовый выпрыгнуть. Но подкравшийся к нему карла впился клещатыми пальцами в его руку и поволок за собой на середину зала, где вокруг маленькой принцессы собрались все гости. Вдруг карла дико взвизгнул и выпустил руку солнечного мальчика.

— Негодяй обжег меня! — скребя воздух пальцами, похожими на клешни только что сваренного рака, извивался карла. Солнечный мальчик стоял растерянный среди нарядных детей, не зная, что ему делать.

— Ты злой, скверный мальчик, — сказала маленькая принцесса, — уходи от нас, у тебя нет души!

Огорченный словами принцессы, солнечный мальчик выбежал из замка. Никто его не остановил. Долго бежал он и очнулся в поле, далеко-далеко от замка.

— Камни, — сказал солнечный мальчик, — где мне достать душу? Дайте мне свою!

— Зачем тебе наша душа? — сказали камни. — Про нас и так говорят : « бездушный как камень! »

А трава сказала солнечному мальчику :

— Возьми мою душу, я постоянно расту, и душа твоя будет расти вместе с нами!

— Но ведь душа травы зеленая! Возьми лучше мою, — сказал розовый куст шиповника.

— Или мою, — высоко подпрыгнув, рассмеялся кузнечик. Солнечный мальчик в раздумье шел дальше, не зная, на что решиться, чью душу себе выбрать, и очутился в лесу у ручья.

Ю.А.

— Где мне найти душу, вода? — обратился к ручью солнечный мальчик.

Ручей покрылся серебряной рябью. Из сверкающих брызг вышла девушка. Ее глаза струили прохладу.

— Душу не ищут и не выбирают, — строго сказала она. — Все, что зарождается на земле и живет — одушевлено. Твой дар сковывает твою душу. Ты должен освободить ее. Я помогу тебе. Я одна из дочерей ручья — невидимкой для других буду всегда с тобой. Но не забывай, в полдень, когда солнце достигнет полной силы, прикрыть меня вот этим плащом! Не то ты меня потеряешь!

И Альбэ — так звали дочь ручья — подала ему плащ, легкий, но непроницаемый, сотканный из закипевшей пены.

II

С этого дня начинается новая жизнь и новые похождения солнечного мальчика.

Теперь это был юноша в полном расцвете сил, и придорожные травы дали ему имя Зарибар. С той поры не только птицы, звери и деревья, но и люди стали его так называть.

Пошел Зарибар, а с ним и Альбэ в путь-дорогу. Весь день они шли и очутились у избушки на краю леса. Надвигалась ночь, Зарибар решил проситься на ночлег. Альбэ, обернувшись росинкой, притаилась у него в обшлаге.

Жил в той избушке лесник, стар-старичок. Радушно принял он гостя, поделился с ним всем, что имел, поровну. А как спать ложиться, уступил гостю лавку, прикрыл периной — сам полез на печку. Вспомнил Зарибар, как он кроту одеяло прожег, и скинул с себя перину. Вспомнил, что принцессе платье сжег, сбросил и подстилку. И думает : лягу на пол, а то еще спалю лавку.

А спать хочется, лень подняться. Решил, как-нибудь обойдется! И крепко заснул. Алым горячечным языком лизнул огонь лежанку, потянулся к окошку, поджег занавеску — жарким пламенем охватило избу. Зарибар и Альбэ еле вырвались на волю. Хватились лесника, а его нет : от избы один пепел.

— Как же ты не устерегла меня от беды? — упрекал Зарибар Альбэ. — Погубили мы лесника. А я поверил : будешь ты со мной, и я ничего дурного больше не сделаю!

— Буду тебе помогать как умею, — тронутая печалью Зарибара, отвечала Альбэ. — Но главное зависит от тебя. Все в твоей воле. Солнце жжет и солнце живит, так и ты свой дар старайся обратить в добро. А теперь сруби новую избу, авось лесник к тому времени объявится.

Три дня Зарибар трудился : сам рубит, сам пилит, сам сложил новую избу. Кончил, собрал бережно от старой избы пепел, смешал его с водой. Глину месить, печку в новой избе мазать. Вдруг видит : выходит из-под пепла стар-старичок лесник.

— Спасибо тебе, Зарибар, а то бы мне из-под пепла никак не выбраться...

И остался лесник в своей новой избе век вековать.

Зарибар и Альбэ пошли дальше. Заботливая Альбэ подымалась на высокие холмы, смотрела, нет ли где селенья — достать Зарибару хоть сколько-нибудь подходящую одежду, чтоб предохранила его от бед.

Пришли в город и сразу отправились в лавку. Чего только в лавке не было : от королевского скипетра до легкого стеклянного наряда — когда-то такой носил карлик Бум.

Вы не знаете карлика Бума? А может слыхали! Добрый, веселый карлик. Однажды он нечаянно задавил муху и решил себя сам наказать : влез в большой стеклянный жбан и так в нем и просидел до конца своих дней. А вот мантия феи. Рассердившись на людей, не поверивших в ее чары, она продала свою мантию. Эта мантия обладала свойством менять свой цвет по погоде, а так как в той стране погода менялась чуть ли не каждый час, то никому не было охоты носить такую редкость.

— Мне нужна одежда, — обращаясь к хозяину лавки, сказал Зарибар. — Такая, чтобы я не сжигал все, к чему прикасаюсь.

— Что за чудеса! — воскликнул хозяин. — А ну-ка, покажи свое искусство, не поленись! Пригладь вот эти выбоины — они не поддаются и раскаленному железу, — и он положил перед Зарибаром сплющенные во многих местах рыцарские латы.

Зарибар провел ладонью по латам — и латы выправились и засияли как новые.

— Ну и молодец! Вижу, ты не простого званья. Не смею звать к себе вашу милость на службу. Одежду могу справить, но мне нужна шкура не простого осла, а такого, что помер своей смертью и за всю свою жизнь ни разу не был бит своим хозяином! Найдется такая шкура — сошью одежду, она огня не пропустит!

Долго Зарибар и Альбэ искали ослиную шкуру. Совсем уже отчаялись. Но однажды, проходя мимо полуразрушенного замка, набрели на бедную лачугу. Вошли и сразу бросилась в глаза Зарибару ослиная шкура. И какая! каждая шерстинка на ней играет, каждый волосок будто шелковый поблескивает.

— Вот что мне надо! — заметив тут же сидевшего у стола человека, воскликнул Зарибар, — но сперва я должен знать, ударил ли ты хоть раз твоего осла и своей ли смертью он помер?

— Что вы, господин! — испуганно ответил владелец ослиной шкуры. — За что мне было его бить — это был самый послушный и умный осел на свете. Он был не только мой кормилец, но и истинный друг. Но все на свете кончается, пришел и его срок.

Дал Зарибар владельцу ослиной шкуры денег, на всю жизнь хватит. И сшил Зарибару портной из этой шкуры одежду, сапоги, рукавицы. Да такие — их огонь не проймет!

III

Снова они отправились в странствование. Крепко было желание Зарибара свой дар обратить в добро. Когда он глядел на свою названую сестру — чистую как ручей Альбэ, он становился лучше. Но когда бывало Альбэ отлучится на денек к ручью с сестрами пожурчать, Зарибар пускался на самые отчаянные приключения.

Жители Брандобрея до сих пор помнят, как Зарибар сразился со львом. А для чего? Только чтоб похвастать своей силой.

Это произошло в загородном доме одного знатного вельможи.

Перед домом плескалось озеро. Правда, я его никогда не видела, но представляю себе гордых лебедей, белых и черных, попарно плывут они по опаловой на закате воде. Сиреневые кувшинки при их приближении чуть покачивают своими отяжелевшими за день головами. А на мостике, почудилось мне, сидит бородатый гном с большой удочкой.

Вечером на террасе расположились гости, среди них был Зарибар. Вдруг перед гостями появился лев. Всеми движениями своего могучего тела он давал понять, что у него нет на уме злых мыслей. Прохаживаясь между гостями, он все искал местечко, куда бы ему примоститься. Наконец, он львиным ковриком растянулся у ног одной красавицы и покорно подложив лапу под косматую голову, тихонько замурлыкал, совсем как домашний котенок.

Но Зарибар решил, что лев становится слишком бесцеремонным, вскочил с кресла, бросился ко льву и только к нему прикоснулся, как обожженный лев вдруг закричал человечьим голосом... Велик был ужас и переполох — в львиной шкуре оказался сам хозяин замка! Весельчак хозяин хотел подшутить над своими гостями и обрядился львом.

В это время появилась Альбэ. При виде того, что сделал Зарибар, Альбэ заплакала. Ее слезы упали на рану вельможи и в тот же миг рана зажила.

А к вечеру ряженый лев не только совсем оправился, но мог даже принять участие в танцах, чем немало развеселил гостей. Стыдно стало Зарибару и он поспешил покинуть дворец. Рядом с ним, удрученная, шла Альбэ.

ХОР ТРАВЯНИЦ

Огонь жжет — вода тушит огонь! — говорили травы на их пути. — Трудно, Зарибар, будет тебе совладать с твоим даром. Пока сам не захочешь обратить его в добро, сколько ненужных бед еще натворишь... Твой дар, как и Альбэ, твою названую сестру, ты не сам приобрел, а получил как залог добра — смотри не потеряй их!

IV

Далеко за большим сизым облаком чернели горы. Зарибар и Альбэ направились к ним. И только что вступили в это облако, как оказались высоко в горах. Вспыхнула молния, ударил дождь с градом и так же внезапно прошел.

Из-за тумана выплыли серые бесформенные дома. Каждый дом был окружен забором. Из щелей выглядывали странные существа. В их бесцветных круглых глазах отражались горы. И не успели Зарибар и Альбэ сделать и шагу, как на них посыпались камни. Но прикасаясь к Альбэ, они превращались в

легкие облачка пара. А от Зарибара отскакивали, словно рой испуганных ос. Их сердитым жужжанием наполнился воздух.

Страх охватил каменных людей, — а ведь они никогда не знали страха! Служа горному духу, камни-люди целые дни были заняты головоломной игрой : позатейливее расположившись, они стерегли прохожих. На тропинке, что вьется по крутизне, они предательски вдруг выскакивали из-под ног прохожего, а иной раз представлялись непоколебимой скалой или прочным гранитным уступом. Прохожий смело ступал на такой уступ и в тот же миг сорвавшись, к немалому развлечению горного духа, летел в пропасть. А то каменным дождем люди-камни падали на дорогу, преграждая каравану путь.

— Я и раньше слыхала о странном народе, — сказала Альбэ, — который продался горному духу за какие-то неслыханные богатства, что таятся в недрах гор. Но недолго они ими пользовались. Горный дух превратил их в камни. Став безвольной игрушкой в его руках, люди-камни слепо ему служат. Не они ли это? Останемся тут хотя бы на одну ночь, разузнаем о людях-камнях, не удастся ли тебе, Зарибар, им помочь. Ведь освободиться им легче легкого : стоит только им собраться всем вместе и дружно броситься с горных высот, чтобы в тот же миг чары горного духа развеялись.

Неподалеку от жилья каменных людей Зарибар и Альбэ нашли пустую пещеру и устроились на ночлег. Гулом подземных глубин наполнились горы. То подымаясь до вопля, то глухо падая до ворчливого стона, они гремели до рассвета. И не слыхал Зарибар, как покинула его Альбэ, не слыхал, как люди-камни подкрались к его убежищу — тесно прижавшись друг к другу, завалили вход в пещеру.

Наутро увидя себя в каменной темнице, Зарибар в сильном гневе свалил всех каменных людей в одну груду. И только хотел превратить их в щебень, как от груды камней откатился небольшой камушек и доверчиво припал к его ноге. В стеклянных глазах живого камня блеснуло такое голубое и ясное небо, что Зарибар невольно отстранился — не раздавить бы камень.

Пожалел Зарибар каменных людей. Твердой рукой стал он

Ю. А.

сбрасывать их в долину. Вокруг в глубоком молчании сгрудились горы. В хрустальной вышине звенел сверчок. И почудилось Зарибару, что там в долине, как бы пробуждаясь от сна, подымались один за другим горные люди... Рядом с Зарибаром, радостно улыбаясь, стояла Альбэ.

Весть о силе Зарибара все сжигать быстро облетела землю. Богатые и знатные заискивали перед ним. Лесть он часто принимал за правду. Если раньше он хотел свой дар обратить в добро, то теперь богатство и почести быстро вытравили память о добре, тщеславие заглушило совесть. Альбэ в редкие минуты, когда он приходил в себя, с горечью говорила :

— Неужели, Зарибар, ты забыл как спрашивал у ручья где найти тебе душу! Увидя твое горестное лицо, я пожалела тебя и решила тебе помочь. Но слава и власть переманили тебя и ты стал в их руках слабой былинкой.

V

В своих скитаниях Зарибар попал за три моря, в Индийскую землю. Там подружился он с одним магараджей. Вся одежда магараджи была усыпана рубинами. Чудесно сверкая, они манили к себе. По временам от них исходил зловещий свет, бросавший кровавый отблеск на лицо магараджи. Тогда было жутко на него смотреть. Но это длилось мгновение. А вообще магараджа был даже приветлив.

Со страстью тянулся Зарибар к драгоценным камням. За полюбившиеся ему драгоценности он готов был отдать все на свете.

Магараджа решил воспользоваться слабостью Зарибара.

— Зарибар, — сказал магараджа, — все эти рубины будут твои, окажи мне одну совсем пустячную услугу! Хочу проучить моего соседа. Хвастает, что лучших стрелков, чем у него, нет на десятки тысяч верст вокруг наших владений. Я хотел бы подзадорить его к соревнованию с моими стрелками, но не хочу рисковать. Тут ты мне поможешь. Во время сражения на миг ослепи войско противника, тогда я смогу взять их голыми руками.

— Это нечестный поступок, — сказала Зарибару Альбэ, когда они остались наедине. — Да и как ты можешь умерить свою силу, чтобы только их ослепить! А вдруг сожжешь?

Но Зарибар, очарованный посулом магараджи, ничего не хотел слушать. Поутру он поскакал с магараджей в его владения. Еще издалека он увидел черный золотоверхий дворец. У подножья дворца стелился низкий кустарник, покрытый пунцовыми цветами, и издали казалось, будто замок окружен огненными медузами.

Замок соперника был наполовину скрыт высокой стеной деревьев и поражал своей простотой. На поле, сплошь покрытом желтыми тюльпанами, встретились воины : войска противника магараджи высоко несли свои синие знамена. Алые войска магараджи горели как свежепролитая кровь.

Стоя на высоком холме, Зарибар наблюдал сражение, разыгравшееся внизу, у его ног. Ему показалось, что синее войско с легкостью прорвало строй магараджи. Стрелки магараджи, как заметил Зарибар, состояли из всякого сброда и походили скорей на наемных убийц.

При виде того, как доблестно сражаются противники магараджи, у Зарибара появилось сомнение, стоит ли ему вмешиваться в это нерыцарское дело. Но в это время магараджа подал ему знак. Зарибар поднял, правда совсем легонько, указательный палец, раздался оглушительный удар, сверкнула молния и ослепила вражеское войско! Один за другим, как подрезанные у корня дубки, падали воины, и бой был решен.

А Зарибар все стоял на холме в ожидании, что ослепленное

им войско подымется. Но воины лежали неподвижно. Тогда Зарибар стал звать на помощь Альбэ. Бледная как тень, она предстала перед ним.

— Альбэ! — вскричал Зарибар, — почему воины лежат и не подымаются? Помоги им встать, как ты когда-то подняла ряженого вельможу.

— Вельможа был предохранен львиной шкурой, — печально покачала головой Альбэ, — и я могла спасти его, а тут я бессильна, ты сжег всех воинов.

Зарибар схватил свой меч, бросился искать магараджу, чтобы убить его. Альбэ задрожала.

— Ты должен искупить свой грех, — сказала она, — а не совершать новое преступление!

В это время появился магараджа. Двое слуг несли за ним ларец с рубинами. Но Зарибар даже не взглянул на желанные дары. В тот же час он покинул дворец.

ХОР ТРАВЯНИЦ

Злодеяние не живет одиноко. Одно злодеяние тянет за собой другое и мало-помалу превращается в смертный грех. Так случилось с Зарибаром. Если он раньше для острастки мог сжечь коня какого-нибудь забулдыги рыцаря или на скаку в поединке на миг затмить противнику глаза — теперь он стал убийцей. Не по силам тебе, Зарибар, твой дар. Смотри, другим даются дары и сколько радости они приносят! А ты? Ты несешь горе! Правда, ты не хотел убить, но зло совершено и виновен в нем ты! Откажись от своего дара, пока не поздно. Иначе ты сам сгоришь, как сжигаешь других!

VI

Однажды Зарибар ехал дубовой рощей. Густые ветви загораживали ему путь. Отстраняя их, он с трудом продвигался вперед. Роща глухо шумела и в шуме ее слышались слова : путник, расскажи о себе, о твоих добрых делах и мы вырастем на целую голову!

— Добрые дела? — задумался Зарибар, и вспоминая свою жизнь, не нашел ничего, о чем мог бы рассказать деревьям.

— Разве ты не слышал о короле « Зеленая нога »? — спросила Зарибара до сих пор молчавшая Альбэ.

На лесной поляне Зарибар слез с коня, отдохнуть и послушать рассказ Альбэ о короле « Зеленая нога ».

КОРОЛЬ ЗЕЛЕНАЯ НОГА

— Много лет тому назад, когда король Зеленая нога был еще принцем, как-то отправился он в лес на охоту.

Застигнутый врасплох разъяренным вепрем, принц был тяжко ранен в ногу и тут же пришлось ее отнять. Вокруг росли вековые дубы. Слуги тщетно искали деревцо потоньше, чтоб сделать ногу своему принцу. Но и самое тонкое годилось бы для корабельной мачты.

Все это видела, притаившись за дубом, добрая лесавка. Она пожалела принца и обернулась в стройное деревцо. Обрадованные слуги срубили дерево и вытесали своему принцу зеленую ногу. Едва они приставили ему деревянную ногу, как лес осветился и наполнился веселым стрекотом — будто трещали тысячи кузнечиков.

Завороженный сидел принц в кругу своих приближенных. Тут из чащи вышел сухонький, ростом не выше зайца, старичок — на его голове при каждом шаге важно покачивался огромный лапчатый папоротник. Это был Голос леса.

— Послушай меня, принц, — подняв черный как корень палец, сказал Голос леса, — твоя деревянная нога каждую весну будет прорастать ветками. Смотри бережно срезай их и сажай в землю. А когда из этих побегов подымется роща, и каждое деревцо превратится в исполина, как в этом лесу, — лесавка снова примет свой образ.

И Голос леса подал принцу железный меч — срезывать ветки.

Опечалился принц и вступил с Голосом леса в долгий и горячий спор. Он не считал себя вправе принять такую жертву. А Голос леса утверждал, что он не в силах что-либо изменить. Жертва была принесена лесавкой бескорыстно, и стало быть принц должен ее принять. Все же, тронутый просьбой принца, упрямый старик согласился сократить лесавке срок.

— Каждый раз, — сказал Голос леса, — когда не только ты, принц, совершишь достойное дело, но и всякий прохожий, наслышавшись о Зеленой ноге, расскажет о каком-нибудь своем славном поступке, деревья подымутся на целую голову, вырастет роща, и лесавка получит свободу.

В глубокой задумчивости, тяжело ступая на свою зеленую ногу, вышел принц из лесу.

— Ты сам можешь судить, Зарибар, — продолжала Альбэ, — как за полвека выросли посаженные королем побеги. Добро — тепло, от теплоты вырос лес. Многие, наслышавшись о короле Зеленая нога, не забудут, проходя по дубовой роще, рассказать о своих хороших поступках. А есть и такие, что приезжают из далеких краев полюбоваться рощей и заодно рассказать о себе, да поглядеть как на их глазах еще выше подымутся деревья.

Вдруг лес ярко осветился и Зарибар услыхал отдаленный шум, похожий на раскаты грома. По верхушкам дерев пронесся радостный трепет.

Из глубины леса, легко ступая на свою зеленую ногу, шел высоченный, похожий на огромный дуб, король Зеленая нога. За ним, не отступая, ковыляли два медвежонка. Медвежата тащили огромное блюдо с длинным свитком добрых деяний короля. Одной лапой придерживая блюдо, другой медвежата то старались поймать на лету зазевавшуюся бабочку, то запихивали в пасть целую горсть спелой лесной малины. Шествие замыкала пестрая свита короля.

Ожидая, что будет дальше, Зарибар отошел в сторонку. Альбэ, став невидимкой, притаилась в складках его камзола.

Совсем близко от него прошел маленький сухонький старичок. На голове у него важно покачивался огромный лапчатый папоротник. Зарибар сразу узнал Голос леса.

Голос леса взял с блюда свиток и принялся читать. Окончив чтение, он торжественно поднял вверх свои суковатые руки. Лес наполнился треском. Вытягиваясь, деревья подымались все выше и выше, добираясь почти до верхушки самых высоких

Ю.А.

дубов... Пока подымались деревья, радость сияла на лице короля, но когда они вдруг перестали расти, лицо его омрачилось. Тяжело ступая на свою зеленую ногу, он отправился в обратный путь.

— Еще одно доброе дело, — пели птицы, — и лесавка к нам вернется.

— Слышит ли их король? — думал Зарибар, и сердце его наполнилось такой радостью, что ему самому захотелось тут же сделать что-нибудь хорошее.

Вдруг с дерева, под которым стоял Зарибар, раздался жалобный стон. Он поглядел и увидел полуголого человека.

— Как вы сюда попали? — удивился Зарибар, — и почему, когда здесь был король Зеленая нога, вы молчали?

— Боже меня сохрани! — воскликнул человек. — А что если б король вздумал меня тут же облагодетельствовать, ведь мне пришлось бы подскочить еще на несколько сажен. И хотя моя шкура по виду и не так дорога, но для меня, поверьте, это самое ценное, что у меня осталось.

— Теперь, когда опасность быть подброшенным к облакам миновала, идем к этому доброму королю, — сказал Зарибар. — Я уверен, он не откажет нам в приюте. А завтра...

— Нет, нет, сударь, подождите что-либо обещать, пока я не слез с дерева. А еще лучше отложить это дело на утро. Облагодетельствованный вами и стоя на земле, я сам буду рад увидеть, как от вашей доброты подскочат к небу деревья. И буду знать, что и я что-то сделал для бедной лесавки!

Зарибар охотно согласился.

Король Зеленая нога принял их радушно. После ужина гости собрались в королевской опочивальне послушать пришельцев. Зарибар скромно, в нескольких словах, рассказал о себе. И наступил черед незнакомца.

РАССКАЗ НЕЗНАКОМЦА

— Не знаю, о чем и рассказать, чтоб оно было достойно вашего внимания. Единственная моя добродетель, как мне думается, — это моя философия. Я всегда ждал самого лучшего и никогда не падал духом перед неудачей. У меня было много друзей и жил я припеваючи. Но очевидно надо было, чтоб мне позавидовал один из моих благодетелей. Он постоянно брюзжал и никогда ничему не радовался. Видя как я счастлив, он ничего не нашел лучшего, как донести на меня, будто я колдун. И меня по его милости приговорили к смерти. В ночь перед казнью, оставшись наедине с палачом, я однако все же радовался, что прожил такую счастливую жизнь!

Палач был убежден, что я колдун, и просил открыть ему тайну моего искусства! В награду он обещал мне по возможности безболезненную смерть : отрубить мне голову одним ударом! Я согласился. Но не пробило и полночь, как я успел привести моими рассказами этого мрачного человека в такое добродушное настроение, что он решил не только немедля освободить меня, но и бежать со мной. А через час я с моим палачом был уже далеко от тюрьмы.

Поначалу все нам благоприятствовало. Придя на берег, мы застали рыбаков, которые как раз собирались выйти в море. За небольшое вознаграждение они согласились перевезти нас на другой берег, где было другое королевство — и значит другие законы. И колдуны там, возможно, в большом почете.

По дороге поднялась буря. Лодка не выдержала напора волн, разбилась в мелкие щепы, и мы потонули. Очнулся я на скалистом берегу. Около него пенились волны, в волнах барахтались не то люди, не то рыбы. Не сдобровать бы мне, но тут из воды поднялось одноглазое чудище и все нырнули кто куда, оставив меня одного.

Страшилище ухватило меня за руку и я, как жалкая сороконожка, засеменил за ним, в страхе думая, что уж лучше мне было погибнуть на родине с клеймом колдуна, чем попасть в рыбье общество. Был вечер, когда мы очутились в пустынном

месте у каких-то развалин. Тут оказался подземный ход, мы в него спустились и долго шли, пока снова не очутились у моря. Я понял, что мы находимся на острове.

На прибрежных скалах, сияя тысячью огней, высился зеленый хрустальный замок. В замке жила королева острова. Это была добрая и умная женщина. Королева говорила на изысканном рыбьем языке, пересыпая свою речь кухонной латынью, которой ее научил повар с разбившегося корабля.

В этом королевстве, окруженном со всех сторон морем, где ничего кроме рыб не водилось, всем жителям хотелось походить на какую-нибудь рыбу. Чудище-великан был тому примером : желая походить на одноглазую камбалу, он выколол себе один глаз. В остальном ему щедро помогла природа, дав ему на редкость плоское и глупое лицо. Я же, не знаю почему, с первого дня получил кличку « окунек ». Меня все так и звали — окунек. И мне это, сознаюсь, поначалу даже льстило : ведь окунь, как известно, водится только в пресных водах.

Когда кто-нибудь из наших рыболовов отправлялся в море, я всегда просил передать землякам, что я еще жив. Страх, что из меня в конце концов сварят уху, меня никогда не покидал! Ведь я для них, несмотря на дружеское отношение, был только чужеземцем.

И вот как-то дошла до меня весть, что мой « благодетель » умер, а я давно оправдан в глазах соотечественников. Меня потянуло на родину. И я начал сборы. К моему удивлению никто меня не удерживал.

Королева мне даже подарила лодку, снабдив меня припасами по крайней мере на два года. А со своего пальца сняла и подарила мне заветный перстень, который по ее словам обладал волшебным свойством превращать врага в друга.

Для этого надо было только повертеть перстнем три раза перед лицом врага. К несчастью я и этим не мог воспользоваться.

Долго я плыл по морю, пока наконец не показалась земля. Я сошел на берег. Но не успел я вдоволь порадоваться благополучному окончанию путешествия, как на меня напали разбой-

ники, и несмотря на мои мольбы, все у меня отобрали. Тут я вспомнил о перстне и только хотел повертеть им перед носом разбойников, — как разбойники стащили его с моего пальца, и я не только не успел их превратить в моих друзей, но и лишился навсегда волшебного талисмана. А как стемнело, я поспешил укрыться в лесу и боясь, что меня растерзает дикий зверь, взобрался на дерево. Тут и нашел меня этот милосердный юноша. И как мне не быть опять довольным! Я сыт, одет и меня благосклонно слушает великий король Зеленая нога и его высокочтимые друзья...

— Это действительно добродетель быть всем довольным, — сказал король. — Но еще ценнее было б, если бы Вы умели и других вокруг себя делать счастливыми!

— Спасибо за совет, добрый король, — нимало не смущаясь, сказал незнакомец. — По возвращении к себе домой клянусь свято его исполнить! Вы правы, моя философия похожа на хромую лошадь, которая легко падает и тащит за собой ездока.

Было поздно и все разошлись по своим покоям. На рассвете Зарибар и Альбэ отправились дальше в дорогу.

— Видно я никогда не сделаю ни одного доброго дела! — с отчаянием воскликнул Зарибар.

— Если крепко пожелаешь, ты не думая сделаешь добро, — отвечала Альбэ. — Ведь никакой особенной заслуги короля нет в том, что от своего достатка он накормит бедного и даст ему кров. Но король дал ему добрый совет и этот совет куда ценнее всех королевских милостей. Представляешь себе, Зарибар, какое ликование теперь в лесу! Деревья поднялись к самому небу. Лесавка приняла свой образ : на голове у нее сияет берестяная в рябиновых ягодах корона, в руках у нее зеленая ветка, а у короля, я уверена, — настоящая нога!

Травяницы на их пути показывали друг другу на Зарибара и говорили : посмотрите на Зарибара, как он светел сегодня и как пошло ему впрок начало добрых дел.

VII

Зарибар был полон самых хороших намерений. Но он не мог укрепиться в добре и его потянуло к прежней разгульной жизни. Вокруг Зарибара, как всегда, было много всякого народу. Были и друзья, но, видя его плохие поступки, они постепенно от него отворачивались. Место не пустовало — появлялись новые. Он легко забывал старых и меняя друзей, сам ни к кому не был привязан.

С утра до ночи Зарибар только о том и думал, как бы ему развлечься. Однажды на охоте он показал свое искусство и

мужество, — вышел один на один на медведя и одолел его. Это был злой и хитрый медведь, наводивший ужас на окрестных жителей.

После того как Зарибар одолел медведя, охотники погнались за оленями. Огромный олень, легко раненный Зарибаром, все еще мчался по зеленой лощине. Досадно стало Зарибару, впервые его стрела не уложила зверя сразу. Олень перепрыгнул ров, и казалось, ушел от охотников, но неожиданно споткнулся и рухнул на землю.

Хотя Зарибар не раз клялся Альбэ достойно вести себя на охоте и не злоупотреблять своим солнечным даром, тут он не удержался. Видя, что олень поднялся и пытается уйти, он быстро снял рукавицу и в тот же миг олень обратился в дымящуюся головешку.

Солнце уже высоко поднялось и жарко заливало землю. Зарибар вспомнил — на лужайке ждет его Альбэ! Схватив плащ, он кинулся на лужайку. Но Альбэ исчезла.

Зарибар решил идти в поиски Альбэ. Но каждый день случалась помеха : то бал, то охота, то фейерверки, которые он так любил.

Когда с ним была Альбэ, ей хоть изредка удавалось отговорить его от плохого поступка. А теперь удержать его было некому. Он вспоминал ее редко. Все же, когда он глядел на синий плащ Альбэ, ему подчас становилось не по себе. И он запрятал его на самое дно в один из своих железных сундуков.

И все, что в нем было плохого, сразу вышло наружу. Он даже внешне изменился, взгляд его потускнел, волосы потеряли свой блеск.

Старая ель, под которой он часто отдыхал, первая заметила в нем эту перемену. Не поймав как обычно на одной из своих веток солнечный луч, который исходил из глаз Зарибара, она с упреком сказала :

— Какая жалость, Зарибар, ты растерял свои богатства — освещать, украшать, радовать! ведь тебе все это было дано при рождении.

А травяницы на его пути разбегались во все стороны.

ХОР ТРАВЯНИЦ

Безумец Зарибар, он думал — после того, как запрятал в сундук плащ Альбэ, его ничто уже не сможет тронуть. Безумец! Он думал, что можно спрятать в сундук свою совесть! Когда с ним была Альбэ, он каялся и хотел стать лучше. А теперь где ему взять силу расковать свою душу.

VIII

День сменялся днем, а кто же считает дни, если все они на одно лицо?

В поисках новых приключений Зарибар оседлал своего буланого коня, но не успел отъехать и версты, как конь захромал на все четыре ноги.

Зарибар хотел было вернуться, как навстречу ему попался странник. Странник взялся проводить его к знакомому кузнецу, благо кузница недалеко от большой дороги.

Кузнец тотчас же принялся за работу и живо расковал

Ю.А.

коня, пообещав еще до ночи изготовить новые подковы. А Зарибару предложил отдохнуть на сеновале. Зарибару не спалось и он услышал, как помощники кузнеца говорили между собой.

— Не будь у него бесовской силы все сжигать, повесили бы мы его на первой осине. А тут еще на него работай!

Они начали упрекать странника за то что он привел к ним Зарибара.

— А потому привел, — ответил странник, — что видел, как по его следу ползла огромная змея. Я испугался, что она меня ужалит.

Вскипел Зарибар и только снял рукавицу — хотел сжечь кузницу со всеми кузнецами, — как увидел перед собой трепетавшую от страха ласточку.

— Смилуйся, Зарибар! не губи моих птенчиков! — взмолилась ласточка.

Заглянул Зарибар под стреху, а из гнезда птенцы голыми шеями к нему тянутся. Зарибар пришел в себя, подождал, чтоб кузнец подковал коня, и двинулся дальше. Он оглянулся и видит — не змея тянется за ним, а предлинная веревка. И откуда она взялась? — подумал Зарибар. И вспомнил : эту веревку дал ему на прощанье старичок лесничий.

— Вот тебе, — сказал лесник, — веревка, на ней ты сможешь отмечать узелками свои поступки. А если будешь делать зло, то веревка превратится в змею и тебе от нее не уйти.

« А как это и впрямь змея? » — снова подумал Зарибар, нагнулся, поднял ее и вздохнул облегченно : веревка.

Но каким холодным, змеиным было ее прикосновение — вот-вот змея! Потуже скрутил он веревку и привязал ее к луке седла. И вспомнилось Зарибару все так ясно, будто это было вчера. Как сжег он избушку лесника и с какой надеждой ставил новую, как он хотел в то время свой дар обратить в добро. И впервые Зарибар почувствовал укоры совести.

IX

Как зверь ищет целебные травы от болезней, так Зарибар искал для себя спасения в природе.

Ведь еще недавно среди полей, в лесу он был счастлив. Стоило ему поглядеть на деревья, облака, чтобы сразу успокоиться и забыть огорчения. Ужели природа, прежде к нему милостивая, восстала против него?

Вот и теперь ласточка удержала его от зла! Значит не все для него потеряно?

И стал он проводить все свое время на воле — леча свою

душу. Вглядывался в каждую былинку, в каждый цветок — искал в них разгадку добра.

Как-то стоя на пригорке и любуясь залитой солнцем равниной, он увидел на большой дороге двух странников : не то бродяги, не то нищие. Согнувшись в три погибели, словно непосильная ноша гнула их к земле, они еле плелись, подымая за собой столб пыли. Пот катился с их изможденных лиц. Жалкий вид этих людей тронул Зарибара, и он стал их расспрашивать, что за беда с ними случилась и не может ли он им помочь.

ПОВЕСТЬ О ДВУХ МОЛОЧНЫХ БРАТЬЯХ О ХАСАНЕ СТАРШЕМ И О ХАСАНЕ КОРОВЬЕМ СЫНЕ

— За сделанную глупость приходится часто расплачиваться всей жизнью, — начал свой рассказ один из бродяг. На мизинце у него блестел великолепный перстень — сердоликовая печатка.

Я музыкант, играю на лютне, мое имя Хасан, а это мой молочный брат, тоже Хасан — прекрасный певец! Чтобы вам стало ясно, я расскажу все по порядку, — с нашего раннего детства.

Мои родители принадлежали к роду славных музыкантов и умерли вскоре после моего рождения. Было это весной. Спеша на чью-то свадьбу, мои родители переправлялись в половодье через реку. Их унесло сильным течением, и они утонули. Оставшись круглым сиротой, я был отдан моим дядей, злым и скупым человеком, одной бедной женщине на воспитание. У моей кормилицы тоже был сын, мой ровесник. И случилась беда : не прошло и месяца, как у нее пропало молоко.

Добрая женщина была безутешна : что будет с нами? На щедрость моего дяди нечего было рассчитывать. Кормилица не знала, что и придумать. Вдруг она услыхала жалобное мычание. Оно доносилось из полуобвалившегося, заросшего бурьяном сарая. Здесь у новенького стойла перед охапкой душистой,

только что сорванной травы, стояла корова. Как она сюда попала? Не иначе как волшебством! Наша кормилица так это и приняла. Из туго налитых сосцов прямо на землю текло густое молоко. С этого дня нашей кормилицей стала корова.

Когда мы подросли, нас нельзя было отличить! Правда, когда мы были вместе, это сходство исчезало, но стоило нам разлучиться, мы становились так похожи друг на друга, что и близкие не могли нас распознать. Только родимое пятно на шее сына кормилицы отличало его от меня. В нашем поселке моему молочному брату дали кличку « коровьего сына ». Эта кличка, данная ему в детстве, так за ним и осталась.

Корова, наша кормилица, была в самом деле волшебница. Когда мы подросли, она все так же продолжала заниматься нашим воспитанием, стараясь украсить наше детство. В стойле это была обыкновенная корова, но как только мы выходили с ней за околицу, будь то в лес, или в поле, она совсем менялась и становилась красавицей! Огромная словно гора, белая как весенняя яблоня! В ее больших фиолетовых глазах светилась доброта. Мы взбирались к ней на спину, и она уносила нас через горы и моря на зеленые пастбища. Там жили такие же как она волшебницы-коровы. Они паслись, отбирая для еды самые душистые и целебные травы, и кто хоть раз отведал их молоко, становился сильным, храбрым, непобедимым в бою.

Когда я вырос, дядя дал мне одежду, достойную моего звания и это кольцо — память о моем отце.

Назначив моего молочного брата мне в услужение, он велел нам убираться на все четыре стороны. Наша кормилица корова пошла нас проводить. Когда мы были уже далеко от дома и никто не мог нас слышать, она сказала :

— Вы теперь взрослые и вступаете в жизнь. Я вам больше не нужна и ухожу за моря на наши зеленые пастбища. Одно вам завещаю : любите друг друга, как если бы и вправду были вы родные братья. И никогда не расставайтесь. И будьте ко всем милосердны, а не то вас ждет гибель! Вот тебе, Хасан старший, лютня, под ее звуки и безногий запляшет.

И она подала мне лютню.

— А тебе, сынок, — обратилась она к моему молочному брату, — синий цветок. Кто им владеет, может стать невидимкой и обернуться во что вздумает. А также стоит тебе поглядеть на него и вспомнить меня, и я в тот же миг буду с вами.

Попрощавшись с нашей доброй кормилицей, мы отправились в путь и бродили из деревни в деревню. Я играл на лютне, а мой брат пел, и мы повсюду были желанные гости. Но вот как-то чудесным летним утром, когда поле, окунувшись в солнце, светится всеми красками и благоухает, шли мы с братом с веселой пирушки. В этот день я заметил, что мой молочный брат был не такой как всегда. Обычно он шел так быстро, что мне поневоле приходилось прибавлять шагу. А теперь в грустном раздумье он еле плелся, то и дело останавливаясь — поглядеть еще раз в ту сторону, где находилась оставленная нами деревня. Мое сердце сжалось от плохого предчувствия.

— Что с тобой? — в тревоге спросил я брата. Тут он мне рассказал, что вчера, когда мы были на пирушке, он увидел девушку. Она сидела в сторонке от танцующих под широким каштаном, освещенная его багряными свечами, и была так прекрасна, что он ее горячо полюбил. Но он понимал, что нам, странствующим музыкантам, трудно обзавестись собственным домом. Кроме того, как бы он ни был счастлив, но расстаться со мной и жить в разлуке — этого он не мог себе даже представить!

Единственный способ излечиться от любви был вот какой : пойти хотя бы на самый короткий срок в деревушку, и благодаря синему цветку став невидимкой, узнать нет ли недостатков у полюбившейся ему девушки, будь то ложь, притворство или лень — их он считал самыми большими пороками и знал, что в присутствии посторонних их можно легко скрыть.

Я отказался его отпустить, глядя на его увлечение как на ребячество, которое скоро пройдет. Но он томился и даже потерял свой прекрасный голос. Видя это, я наконец согласился.

Мой брат немедля отправился в дорогу. Обернувшись невидимкой, он проник в дом любимой девушки и стал к ней приглядываться. Но она оказалась настоящим совершенством.

И как он ни старался уличить ее в одном из пороков, будь то ложь, притворство или лень — он не мог!

А любовь его не только не померкла, но еще стала ярче.

Не выдержав соблазна, он принял мой образ : он думал, что став мной, выиграет в глазах любимой девушки.

Ведь я его почитал как родного брата и требовал, чтобы и другие к нему так относились. Но все же для многих глупцов он был только моим слугой, сыном бедной кормилицы. А тут он стал мной!

Забыв все на свете, мой молочный брат женился. А я, ничего об этом не зная, спокойно шел в нашу деревню, думая, что дождусь там брата.

Вдруг как вихрем меня закрутило, я еле удержался на ногах и с удивлением нащупал у себя на шее родимое пятно, точно такое же, как у моего молочного брата. Еще не подозревая о всех несчастиях, которыми грозила мне эта перемена, я пошел к моему дяде и был жестоко им избит.

Приняв меня за коровьего сына, он стал упрекать меня, что я нерадивый слуга и вор. Оставил своего хозяина, да еще украл его добро : сердоликовое кольцо и одежду. Напрасно я старался его уверить, что я и есть его племянник : родимое пятно на моей шее делало меня в его глазах еще большим плутом и негодяем.

И только вмешательство матери коровьего сына спасло меня от новых испытаний : ночью она освободила меня из подвала, куда меня бросил мой дядя, и помогла мне бежать.

Прошло три года с тех пор, как меня покинул мой молочный брат. Я тосковал по нем и мои одинокие странствования по большим дорогам мне казались бесцельными! И как я ни был возмущен поведением брата, все же не выдержал и решил пойти его проведать. Увидя меня, он сильно смутился, а мой несчастный вид его глубоко тронул.

Горячо обнимая меня, он поклялся, что с этого часу целью его жизни будет сделать меня снова счастливым. Только просил дать ему три дня сроку подготовить жену к возможно долгой разлуке. И просил, как особой милости, не появляться в его доме. Он боялся как бы не обнаружилась истина.

Как я ни старался, я не мог побороть в себе желания взглянуть хоть одним глазком на жену моего брата. Какой прекрасной, думал я, она должна быть, если брат забыл ради нее нашу дружбу и за все годы не дал о себе знать.

На третий день, воспользовавшись тем, что он куда-то отлучился, я вошел к нему в дом и так пленился красотой его жены, что позабыл все на свете, не выдержал и все ей рассказал. Ее возмущению не было границ : мой молочный брат все эти годы, выдавая себя за другого, нагло ее обманывал!

— Он должен понести кару за свой обман! — в сильном гневе вскричала она. И подговорила меня убить моего молочного брата : тогда она станет моей женой, и я снова приму мой настоящий образ.

— Смотри не сплошай! — грозно сверкнув глазами, сказала она. — Разруби его на две равные части!

В это время вошел мой молочный брат. Я занес над ним меч, но моя рука дрогнула, и я промахнулся.

Раздался страшный треск. Дом раскололся как орех. Я и мой брат были отброшены далеко от дома. В клубах черным столбом поднявшейся пыли нельзя было ничего разобрать. А когда пыль рассеялась, нам представилось странное зрелище. Там, где только что была цветущая деревушка, простирался дикий пустырь. Деревня со всеми ее обитателями исчезла, будто ее никогда и не было.

Мы с братом оказались одни на большой дороге. Я снова был самим собой, а у моего молочного брата появилось на шее прежнее родимое пятно. К нашему великому горю моя лютня и синий цветок брата исчезли.

— Мы наверное скоро умрем, — продолжал свой рассказ Хасан, — от непосильной ноши, что тащим на себе — загубленную нами деревушку и все наши горькие воспоминания. Перед смертью мы хотели бы еще раз повидать нашу кормилицу и проститься с ней. Но без лютни и цветка путь нам заказан... Не откажи нам, Зарибар, хотя бы только на один день подержи на плечах нашу беду. Мы тем временем пойдем на поиски и может быть нам посчастливится найти лютню и синий цветок!

Зарибар согласился. Нагромоздив ему на спину деревушку со всеми ее обитателями и все свои горькие воспоминания, оба Хасана уверенно пошли вперед. И Зарибар к своему удивлению почувствовал себя так легко и хорошо как никогда в жизни. Молчавшие травы снова заговорили.

— Зарибар, — говорили травы, — ты выдержал испытание, посланное тебе судьбой. Взять на себя чужую боль не так просто, а не почувствовать ее тяжести — высшая награда!

Однажды, когда Зарибар стоял на краю дороги, вдруг появились двое юношей в праздничных одеждах. Лица их сияли счастьем. У одного за плечами висела лютня, а у другого в руках был синий цветок.

Это были Хасан и его молочный брат.

И вот что Хасан старший рассказал Зарибару.

— Расставшись с тобой, мы вдруг почувствовали в себе неудержимые силы. У нас словно выросли крылья. Мы не шли, а летели и совсем не заметили, как очутились в какой-то деревушке. Она казалась пустой и заброшенной. Во многих домах двери и окна были заколочены. Посреди площади бросалась в глаза прикрепленная к дереву дощечка. Мы подошли поближе и прочли :

« Путник, не задерживайся, спеши поскорей пройти проклятую деревушку, чтоб и тебя не постигла страшная участь. Здесь хозяйничала оспа ».

Мы невольно вспомнили завет нашей кормилицы быть всегда милосердными.

Зайдя в одну из хижин, мы нашли двух сестер. Лица их были обезображены страшной болезнью. Жалость охватила нас и мы решили остаться, чтобы им помочь.

Походив по деревушке, мы нашли еще и других несчастных. Не зная отдыха, мы за ними ухаживали, и вскоре больные не только поправились, но даже стали нам помогать — приводить в порядок разрушенную деревню. Нам удалось пригнать скотину и птицу, которые во время болезни хозяев разбрелись по окрестным полям. Прошло еще некоторое время и те, что поки-

нули деревушку, тоже вернулись, и деревня приняла свой обычный вид.

Девушек, что нам удалось спасти, мы нежно полюбили. И хотя на их лицах остались метинки оспы, но это их не только не портило, а делало еще милей. Узнав, что и они нас любят, мы решили повенчаться.

В день нашей свадьбы все собрались на пир. На площади были расставлены столы. Каждый хотел нам доставить удовольствие и принес все самое лучшее, что у него нашлось — будь то на поле, в огороде или в саду.

Но наш праздник был омрачен. Ни лютни, ни цветка мы так и не нашли. С грустью мы думали, что никогда больше не увидим нашу кормилицу. Вдруг, откуда ни возьмись, в моих руках оказалась лютня, а у брата синий цветок.

Оглядевшись по сторонам, мы с удивлением увидели, что находимся в той самой деревушке, которая исчезла, когда я поднял руку на моего молочного брата. Наша кормилица корова стояла перед нами. Большая как гора, белая как весенняя яблоня. В ее огромных фиолетовых глазах светилась радость.

И вот что она нам рассказала :

— Зависть, увидев вашу дружбу, позавидовала вам. Приняв образ прекрасной девушки, она задумала погубить вас. Дав Хасану старшему в руки заколдованный меч, она решила одним ударом покончить с вами обоими. Но к счастью, Хасан, твоя любовь к брату оказалась сильнее Зависти. А не то вы оба погибли бы!

Весело мы отпраздновали нашу свадьбу и поспешили к тебе. Спасибо, Зарибар, что согласился нести нашу беду. Если мы опять счастливы, то благодаря тебе.

Сказав это, братья исчезли. Далеко сквозь туман, весело переливаясь разноцветными огнями, сияла деревушка.

Но добродушие Зарибара длилось не долго. И хотя он по-прежнему избегал шумных сборищ и празднеств, нет-нет да и натворит бед!

Ю.А.

X

Как-то бродя по незнакомым местам, Зарибар зашел в харчевню. Он присел к окну и со скукой следил за угасающим закатом. Вокруг него за деревянными столами сидело много всякого народу.

Вдруг чей-то странно знакомый голос заставил его насторожиться.

— Проворонили мы добро, — говорил этот голос. — Было бы нам не зариться на королевское золото. В наших руках был неиссякаемый источник золота — этот золотой мальчишка!

Мы бы сделали его нашим атаманом и залили б червонным золотом всю землю.

Злой смех заглушил его слова.

Зарибар вздрогнул, ему представилось, какой могла стать его жизнь! Сколько лет прошло, думал Зарибар, незаметно оглядываясь, — а карла и разбойники ничуть не изменились. У карлы те же рыжие вихры торчат из-под зеленого колпака. И одежда — тот же лиловый бархатный камзол, расшитый серебряными бубенчиками. У старого разбойника та же грязная синяя тряпка на голове, а у молодого — малиновая. Все то же, как в тот день, когда он их встретил.

— Да, дурака сваляли, — заскрипел карла, — если бы тогда он остался у нас во дворце, я бы живо вышиб из него блажь — обжигать людей. И если бы принцесса не сказала ему, что у него нет души, как бы он сам до этого мог додуматься! Жаль, удрал тогда. И зачем только в то утро вы притащили его во дворец? Лучше было похитить принцессу, как я велел. Теперь мы имели бы денег вдоволь, а принцесса была бы моей женой!

Карла яростно ударил кулаком по столу.

Зарибар поднялся, ему хотелось расспросить о маленькой принцессе. Но спросить было не у кого : ни разбойников, ни карлы. Неужели все это ему померещилось?

Он очутился на дороге. И нельзя было различить, — ночь ли это или пасмурный день.

Изредка, как проблеск среди злых дел, охватывала Зарибара тоска по Альбэ. Тогда он садился на коня и мчался сам не зная куда.

Вот и теперь весенним задумчивым утром ехал Зарибар по полю. Слышит, кто-то кличет. Крик доносился с реки. Пришпорил Зарибар коня. И видит : у самого берега водяница за свежие ветви ивы хватается — к земле тянется. И вдруг, жалобно вскрикнув, скрылась под водой.

Бросился Зарибар на помощь и вытащил водяницу на берег.

— Эх! — с упреком сказала она, — и зачем ты меня вытащил? Проклята я моим отцом водяником. Я нарушила законы

водяного царства. Залюбовалась отраженным в воде проезжим рыцарем и не потопила его в пучине. И нет мне покоя ни в воде, ни на суше. В воде мне кажется, что я утопаю, хоть знаю — по природе своей утонуть не могу. И к земле не пристала. Только на землю ступлю, как превращаюсь в безобразную старуху, а красота моя остается в воде. А на земле меня все время тянет обратно в воду. Разрешить меня от проклятья может только полюбившийся мне прекрасный рыцарь, если он, увидев меня, не испугается и вытащит на землю. А на земле, увидя меня старухой — пожалеет, да душой полюбит. Стану я тогда как все люди и красота ко мне вернется. А теперь, Зарибар, поскорей отпусти меня в воду, еще прогляжу моего суженого.

Глянул Зарибар, и впрямь перед ним не красавица водяница, а старая горбунья. И кинул Зарибар водяницу на самую середку реки — суженого дожидаться.

В глубоком раздумье продолжал Зарибар свой путь, дивясь несокрушимой вере водяницы, что рано или поздно, хоть с края света, придет ее суженый.

И вспомнил Зарибар Альбэ... А когда очнулся, перед ним были три дороги, и он твердо знал, что одна из них ведет к Альбэ. Но какая, догадаться не мог.

XI

Уныло сидел Зарибар у огромного вяза, под его червонным шатром. Нарядившись в красные бусы, осенними невестами стояли рябины.

Деревья, думал Зарибар, сменяют несколько раз в году свои одежды, и за каждую обновку щедро вознаграждают землю. Может быть и я частица природы. Но без моей названой сестры я только нищий в ослиной шкуре. И думал Зарибар о своей жизни. Никому он не был нужен.

Небольшая пичуга, пролетая мимо него, каждый раз старалась задеть его своим крылышком.

— Да угомонись ты! — в сердцах воскликнул Зарибар.

— Что ты, Зарибар, — отвечала птичка. — Стала бы я без толку тебя тревожить? Но жестокая судьба двух влюбленных не дает мне покоя и нечем мне им помочь! Каждый день я прилетаю к замку, где они заточены, и пою мою лучшую песню. Но все ни к чему! Моя песня к ним не доходит — ударяясь о гранитные стены, она возвращается обратно. Вот, Зарибар, если б ты своей чародейственной силой захотел им помочь! Но дело трудное : не справишься — сам погибнешь! А теперь послушай рассказ о их печальной судьбе.

РАССКАЗ МАЛЕНЬКОЙ ПТИЧКИ О ДВУХ ВЛЮБЛЕННЫХ

— Гляди, Зарибар, там, где небо малиновой лентой опоясало землю — стоит деревня.

В этой деревне живет с давних пор одна женщина со своей дочкой — Гаянэ. Рядом с ними жил мальчик Гуран, круглый сирота. Он часто помогал девочке и ее матери по хозяйству, и дети полюбили друг друга. А когда выросли, решили пожениться.

Гуляя как-то по лесу, они набрели на замок злого дракона. И так дракону понравилась Гаянэ, что он решил к ней посвататься. И сколько Гуран и Гаянэ ни думали ни гадали как избавиться от дракона, так ничего и не могли придумать. День свадьбы был назначен. И они решили умереть.

Старуха мать, узнав о их решении, умолила их дать ей срок еще раз попытать судьбу.

В день свадьбы она отправила детей к тетке в соседнюю деревню, а мышку, что у них работала в доме поденщицей, — сор в углах хвостиком заметала, блюда язычком подчищала, — нарядила в дочернее подвенечное платье и усадила у окошка в ожидании дракона. Вдруг мышка вспомнила, что один котелок она не вытерла лапкой — спрыгнула со скамьи, а в это время

дракон сунул голову в окно. Поняв, что его обманули, он помчался за беглецами вдогонку.

Не успели они пройти и полдороги, как дракон их догнал, схватил Гаянэ в свои страшные лапы и утащил в свой замок. Той же ночью пробрался Гуран в замок в надежде найти свою невесту. Да сам попал дракону в лапы и ждет со дня на день казни... А теперь, Зарибар, прощай, — улетая сказала птичка. — Если понадоблюсь — покличь меня! Авось пригожусь.

Жалко стало Зарибару влюбленных. Только что он думал, что никому не нужен, а на деле вышло иначе.

Решил Зарибар отыскать замок, но и шагу не успел сделать, видит, перед ним стоит проросший мхом дворец.

Вход охранял дракон, да такой высоченный, что Зарибару пришлось задрать голову. Дракон казалось был вылеплен из теста, ровно на дрожжах подымался, вот-вот дойдет до неба и лопнет. Под лапами дракона сидело по ледяной жабе, охлаждая его.

Зарибар надавил всей пятерней под грудь великана и прожег его насквозь.

Дико застонал дракон. Деревья вокруг в три погибели согнулись, кусты по земле распластались, трава бурьяном пошла. И прежде чем дух испустить — дракон исторгнул из пасти трех богатырей : золотого, серебряного и медного.

Сперва медный богатырь вышел на поединок с Зарибаром и обвил Зарибара медным кольцом. Немало потрудился Зарибар, пока его не одолел. И разлетелся медный богатырь на тысячу медных осколков. Зарибар взял один осколок себе на память. Тогда серебряный богатырь обхватил Зарибара серебряным кольцом. Долго бились они, пока и его не одолел Зарибар. И разлетелся серебряный богатырь на тысячу мелких щеп. Взял себе Зарибар серебряную щепку на память.

Наконец выступил против него золотой богатырь и обхватил Зарибара золотым кольцом. И почуял Зарибар — против золотого великана он бессилен : куда ни пырнет его, еще ярче загорается на великане золото. Видит Зарибар, настал его

смертный час. И вспомнил про птичку. А птичка тут как тут — в клюве на тоненькой травинке трепыхается ее алое сердечко.

Ударила птичка своим живым сердцем в грудь великана и разлетелся золотой великан на тысячу золотых щеп. Бережно положил Зарибар мертвую птичку к себе за пазуху, поднял золотую щепку и вошел во дворец.

И видит — в голубом зале худущая серая мышь бегает по кругу.

— Чем ты, мышка, занята? — спрашивает ее Зарибар.

— Отмеряю время, сколько мне еще жить осталось.

Дал ей Зарибар медную щепку :

— С этой щепкой ход тебе из замка вольный.

В тот же миг мышка стала, как прежде была : гладкая да усатая. В ноги Зарибару поклонилась.

— Спасибо тебе, Зарибар, за пропуск!

Входит Зарибар в другую залу. Видит, сидит девушка — сама как серебряная и вышивает серебром ширинку.

— Для кого это ты, девица, так стараешься? — спросил ее Зарибар.

— Кончу эту работу и исполнится моя горькая доля : идти мне за дракона замуж!

Дал ей Зарибар серебряную щепку.

— С этой щепкой из замка ход тебе вольный.

В тот же миг стала Гаянэ, как была, краса-девица.

Пошел Зарибар в третью залу и видит — сидит паренек, желт лицом как печеное яблоко, и просеивает через сито песок. А всего-то осталось — одна стопочка.

— Для кого ты это так трудишься? — спросил и его Зарибар.

— Да вот, как кончу просеивать, ждать мне казни лютой!

Дал Зарибар ему золотую щепку. И стал Гуран, как был, молодец молодцом. Готов хоть сейчас с драконом сразиться.

Тут стена, что разделяла суженых, рухнула. То-то они обрадовались! И тотчас вместе с усатой мышкой побежали к старухе матери свадьбу справлять.

Схоронил Зарибар пичужку и дальше пустился по бездорожью в путь-дорогу.

ХОР ТРАВЯНИЦ

Зарибар вышел из песчаного холма. Сын солнца — душой себе он выбрал ручей. Влага — душа всего, что зарождается солнцем. По своей вине он потерял Альбэ — верный путь расковать свою душу. Правда, иногда он делает добро, но есть ли в этом ценность, если наряду с добром он постоянно совершает зло?

XII

Зарибар на упреки травяниц молча склонил голову, сознавая, что они правы.

Стал Зарибару сниться все один и тот же сон. Он должен сделать что-то очень важное, но не может вспомнить что, и это его мучит. И вдруг вспоминает, на улице уже давно его ждут какие-то люди, а он заснул. На дворе уже ночь, люди собрались уходить. А от них, он чувствует, зависит вся его жизнь!

В страхе, что он опоздал, он вскакивает с постели. Хочет одеться, а одежды нигде нет. Открывает шкаф, шкаф пустой.

Он к дверям — двери на запоре. В отчаянье пытается вылезть через слуховое окно и видит — да ведь он голый!

Вдоль стен стоят сундуки. Он к сундукам, как попало швыряет все на пол, и хоть бы тряпка какая, лоскут какой, чтоб прикрыться! Остался закрытым только небольшой кованый сундук. Без всякой надежды Зарибар откинул его крышку, а на дне — синий плащ Альбэ! Схватил плащ, надел на себя, а плащ слишком короток. Кинулся к зеркалу поглядеть, а это не зеркало, а ручей. Посреди ручья стоит Альбэ.

— Ты снова запоздал, Зарибар, — грустно сказала она. — Отдай мне мой плащ, не то я замерзну!

Жалко ему Альбэ — но ведь ему надо во что бы то ни стало догнать людей, что только что стояли на улице. И он не знает на что решиться.

Пока он так раздумывал — Альбэ исчезла. От ужаса, что он снова ее потерял, Зарибар просыпается.

Загрустил Зарибар и как никогда захотелось ему еще хоть раз заглянуть в чистые как ручей глаза Альбэ. Он решил все кинуть и идти на поиски Альбэ.

Ни лука, ни стрел, ни меча он не взял с собой, поклявшись, в какой бы беде он ни был, никого не тронуть своим золотым даром.

Обняв на прощанье буланого коня, Зарибар пешим отправился в путь. И защитой от всех бед был ему синий плащ Альбэ!

Долго он странствовал, но нигде не нашел следов Альбэ. Иногда ему чудилось, что он уже бывал в этих местах, узнает дерево, на котором в первый день своей жизни на земле прятался от ночных страхов. Долог и тяжел был его путь, иногда ему хотелось сделать привал. Но травяницы не давали ему и дня передохнуть. Верной стражей вырастали на его пути и говорили : « Еще немного мужества и терпения, Зарибар, и ты найдешь Альбэ! ».

Так прошло три года и три дня, но Зарибар упорно продолжал свой путь и надежда не покидала его.

Однажды он очутился в пустыне. Заходило солнце и было так

Ю.А.

тихо, как бывает только в то время, когда земля на ночь прощается с солнцем. Красными, синими, лиловыми, желтыми полосами убралось небо. В те же цвета окрасились горы и земля. Внезапно от пурпуровой скалы отделилась тень, и Зарибар увидел перед собой глубокого старика. Лицо худое, доброе, светится.

И вся боль, что накипела в груди Зарибара, все сомнения вырвались в одном вопле! Став перед старцем на колени, Зарибар воскликнул :

— Праведный старец, возьми мой золотой дар! Боюсь, что с ним никогда не найти мне Альбэ — не расковать мою душу!

— Хорошо, — сказал старец. — Я возьму твой дар, но знай : первый злой поступок, и ты навсегда погубишь себя!

И взял старец у Зарибара его золотой дар. А чтоб никому не было соблазна, поздней ночью, когда и поломанный сучок спит, закопал его глубоко в землю.

ХОР ТРАВЯНИЦ

Душа Зарибара освобождена — вольной птицей она сможет высоко взлететь к небу. Только сумеет ли он, лишившись своего дара, победить гордость? Это будет его последнее испытание. Мужайся, Зарибар!

XIII

Отдав старцу свою силу, пошел Зарибар дальше в поисках покинувшей его Альбэ.

Так же быстро, как когда-то распространилась весть о его силе, так теперь все знали, что он ее навсегда лишился.

Свободный от своего золотого дара, Зарибар почувствовал себя легко и беззаботно. Он еще не знал, что лишившись дара, он потерял силу и власть, что он беспомощен и беззащитен.

Там, где из страха принимали его с почетом, льстили ему и заискивали перед ним, теперь встречали глумясь и издеваясь, мстя за свое прошлое унижение и злорадствуя.

Наконец он пришел во владения короля, с которым его связывала давнишняя дружба. Он думал, что его как обычно ждет радушный прием. Но не успел Зарибар войти в замок, как его схватила стража короля и заковала в кандалы. На площади, куда его привели, стоял король, окруженный нарядной толпой придворных.

— Что ж, Зарибар, солнечный пасынок, попался? — усмехаясь сказал король. — Но не тужи. И для тебя в нашем царстве найдется подходящее местечко!

И оглянув своих придворных, король объявил :

— С сегодняшнего дня вместо солнечных часов ты будешь украшать нашу площадь. А руки у тебя достаточно длинны — отмерять время.

И никакого унижения Зарибар не почувствовал, что его поставили на площади разыгрывать солнечные часы, что его — свободного — заковали в кандалы.

Все унижения только обогащали его душу и он чувствовал безмерную радость, что никому больше не сделает зла — даже самой малой букашке на дороге.

Солнце нестерпимо пекло — совсем как в тот день, когда появился на свет солнечный мальчик. Зеваки нехотя разошлись по своим домам. Козы спустились с гор, рыбы ушли на самое дно, цветистые луга поблекли. Сосны склонили к земле свои порыжелые ветви.

И к немалому удивлению Зарибара кандалы с лязгом свалились с его ног. Он снова был таким маленьким, что любая кочка могла его укрыть. Солнце зашло и легко дышалось.

— Да ведь это наш солнечный мальчик! — весело воскликнул муравей.

— Солнечный мальчик, — повторили черные в красную крапинку жучки, бросая соломинку, что тащили к себе домой.

И все, кто был на дороге, кинулись к Зарибару. Его окружили, всякому хотелось его потрогать, приласкать.

— Как хорошо, — сказала трава, — что ты не взял нашей души. Если бы нас все время не срезали, наша душа была бы

выше церковной колокольни. Но нас постоянно стригут, и с нами твоя душа захирела б.

— Как я рад, что ты не выбрал нас! Только полгода цветет моя душа, — сказал шиповник, — а зимой мы спим. Хорошо, что ты не соблазнился нами.

— А я, — сказал кузнечик, — без устали прыгаю! Навряд ли тебе подошла бы моя скачущая душа.

Но Зарибар ничего не слышал. Он спешил к ручью — в дом Альбэ. Он снова стал прекрасным юношей. Волосы его как прежде были золотые. Вместо ручья перед ним стыло болотце. На круглом мшистом камне сидела черепаха.

— Куда делся ручей? — спросил Зарибар черепаху.

— А у нас так постоянно в лесу бывает, — ответила ему черепаха. — Один ручеек высыхает, а вместо него возникает другой.

И Зарибар вдруг явственно услышал, где-то издалека журчит ручей.

Он бросился к ручью — и увидел Альбэ.

CET OUVRAGE

A ÉTÉ ACHEVÉ D'IMPRIMER

SUR LES PRESSES DE L'IMPRIMERIE UNION A PARIS

LE 16 JUILLET 1964